

Союз. Этот подход исходит из качественного различия между интерпретацией веры и другими интерпретациями жизни. Интеграция теологической и экологической интерпретации отвергается. Нехристианские высказывания об образе природы не рассматриваются при этом в качестве предпосылок теологического понимания. При этом подходе происходят отчаянные попытки упорно держаться исключительно собственной истины. Экологический кризис понимается только как повод для нового формулирования христианского учения о сотворении мира. С. Бергман называет этот способ теологически отвечать на экологический вызов *союзным* [1, с. 68]. Он считает, что в рамках этой позиции христианское понимание веры должно в лучшем случае быть связано с мирской, со светской интерпретацией жизни. В некоторых случаях она может полностью от неё отделиться. Вера, жизнь, Бог и природа сначала фундаментально различаются, чтобы потом быть связанными теологами.

Синкретизм. Этот тип взаимоотношения теологии с экологическим вызовом полностью разрушает границу между интерпретациями веры и жизни. Поэтому синкретизм является противоположностью союзному типу. Целью защиты новой «живой космологии» представители данного подхода могут эклектически составлять огромное количество фактов из Ветхого и Нового заветов, из текстов христианских мистиков, адептов Новой эры и глубинной психологии. Это вид теологического отношения к экологическому вызову называется *синкретическим*, так как он излагает утверждения экологического рассмотрения природы как некритического высказывания веры [1, с. 70]. Здесь отсутствует критическая оценка истинности естественнонаучных и теологических теорий.

Критическая интеграция. При этом подходе экологический вызов представляется поводом для новой разработки христианской интерпретации жизни. Метод такой интерпретации опирается на диалогическую критическую интеграцию новых теорий в теологическом образовании. Представители этого подхода интегрируют проблемы мира и Церкви, что приводит к формуле - проблемы мира диктуют теологической рефлексии проблемы повестки дня. Этот вид С. Бергман называет *критически-интегративным* [1, с. 70]. Интегративный – означает, что теологическое знание не должно противоречить экологическому и должно быть с ним объединено. Критический означает способность теологии к корректировке экологических притязаний на истину на основе своей собственной научно-исторической традиции, методики и постановки вопроса.

Важные проблемы теологического дискурса могут и должны дискутироваться в междисциплинарном диалоге. То, что рассматривается в экологическом дискурсе как важное дело – будь это теоретическая проблема поиска истины или практическая проблема нормативных концепций деятельности – является важным делом и актом теологического дискурса. Какое дело считается важным, решают не теологи, а участники диалога различных общественных организаций или жертвы, или все заинтересованные данной проблемой.

Представители критической интеграции исходят из наличия общности в постановке проблемы между теологией и Церковью, с одной стороны и представителями экологических движений, науки и культуры, с другой. Эта интеграция начала развиваться с 1970 г (на Западе) во многих церквях, приобретая всемирный характер.

В русле критически интеграционной модели работает основная часть теологов. Среди них можно упомянуть Дж. Кобба и его теологию процесса, опирающуюся на теологически переосмысленные философские идеи А. Н. Уайтхеда; Гюнтера Альтнера с его теологически обоснованной этикой почтения ко всему сотворенному; Герхарда Лидке и Ульриха Духрова, которые поднимают вопрос о формировании нового экологического сознания как вызове для церковной теологии; Кристиана Линка, настаивающем на диалоге между теологией и естествознанием; критике технического прогресса; Юргена Мольтмана, который так же говорит о единстве теологии и естествознания, нацеленном на развитие экологического мирового сознания; Салли Макфэг, для которой важно совмещение постсовременной науки с христианской верой, а так же теологическое обогащение нового образа мира; и Розмари Радфорд Рютер, представительницу экокатолической теологии [1, с. 67-80].

Таким образом, христианская теология не находится в стороне от экологического дискурса и вносит свой вклад в преодоление современной экологической катастрофы.

Литература

1. Бергман, С. Дух, освобождающий природу. – Архангельск, 1999. – 538 с.
2. Кюнг, Г. Куда идет христианство? // Путь. Международный философский журнал. – 1992 – №2. – С. 160-182.
3. Пашко, Р. Г. Проблема ценностных изменений в современном обществе // XII Международные Кирилло-Методиевские чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры. – Мн., 2007 - С. 217 - 229.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА С ПОЗИЦИЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Н.М. ЯКУШ

Минск, УО «БГУ»

Интеграционные процессы и интернационализация жизни современного человека сопровождаются хаотизацией мира, усилением гетерогенности общества, ростом конфликтности, ощущаемых как кризисность культурного состояния. Научный анализ показывает, что это не побочное явление модернизационного движения, а столкновение следующих содержательных моментов культуры: традиции и новаторства, глобального и национального, социального и индивидуального, прагматического и духовного. В любом случае его преодоление возможно лишь в сфере самой культуры, определяющей смыслы человеческого бытия.

Белорусское общество в глобализирующемся мире представлено как политическая общность современного типа, механизм самоидентификации которой прочно удерживает общечеловеческие ценности и собственную национально-культурную специфику. Однако приоритеты его сегодняшнего дня тесно связаны с переходом к новому этапу инновационного развития, становлением информационной цивилизации и обеспечением стратегии

личности. Начальный период этого движения демонстрирует не только сложности экономического и социально-политического характера, но и неизбежность обострения культурных проблем, вызывающих неопределенность общественного действия.

Научная гуманитарная мысль современной Беларуси нацелена на разработку прогноза дальнейшего культурного развития и определения культурных ориентиров новой цивилизации. Первое, с чем сталкиваются исследователи, является поиск адекватной концепции «информационного общества», необходимость нового институального аппарата и формулировка спектра проблем, касающихся кардинальных социальных трансформаций. Представляется, что результативность научного анализа во многом определит представленность в гуманитарной сфере культурологического познания, поскольку культурология оформилась как интеграционная наука о целостном феномене культуры, предмет которой представляют все виды и формы целеориентированной культурно-практической деятельности.

С учетом общих тенденций востребованными для науки являются следующие темы: культурная трансформация белорусского социума; проблема культурного разрыва; трансформация как культурная реорганизация; новые дифференциации и дифференцирующие факторы; диверсификация культуры; культуры и субкультуры; рациональность в социокультурной динамике.

Ряд научно-практических задач ставит новый тип человеческой деятельности и восприятия, получивший название «клип-культура». Этот феномен проанализирован американским футурологом Э. Тоффлером, который ввел данное понятие и выявил сущностные характеристики клиповой культуры [1]. Работа Тоффлера «Третья волна» достаточно широко известна. Мы хотим лишь подчеркнуть, что определенная часть молодого поколения белорусского общества уже демонстрирует клиповое – рассыпанное сознание, сформированное мозаикой ярких впечатлений, фрагментарными образами и модульной подачей информации виртуального пространства. В числе главных причин клип-культура выступает посылкой изменения образовательных технологий в школах и вузах Республики Беларусь.

Одним из проявлений культурологического развития общества выступает мультикультуризм как форма существования многообразия гетерогенного мира, отстаивающих предельно широкого плюрализма. Предлагаемая им нормативная модель устройства общества основывается на создании ряда самодостаточных сообществ, каждое из которых будет иметь свою организацию, призванную представлять его идентичность и обеспечивать легальным обоснованием всех аутентичных практик. Появление мультикультуризма как политического движения свидетельствует о такой фрагментации общества, которая грозит исчезновением автоматического воспроизведения солидарности, гражданского товарищества, участия в общественной жизни.

Для современного белорусского сообщества данная проблема не кажется актуальной. Однако мы находимся на стадии складывания социальных групп, обладающих «миникультурой» и формирования самостоятельных социальных систем в различных сферах жизни, что с неизбежностью влечет за собой кризис идентичностей. К тому же данные переписи 2009 г. выявляют определенные изменения в составе населения, связанные с уменьшением численности представителей основных национальностей и миграционным притоком представителей других культур. В целом в РБ постоянно проживают представители 140 национальностей и народностей. Почти 84% отнесли себя к белорусам, 8% – к русским, 3% – к полякам, около 2% – к украинцам и 0,1% – к евреям. Однако национальный состав областей уже отличается от республиканского. Так, в Брестской и Минской обл. пяттерку наиболее многочисленных национальностей замыкают не евреи, а армяне. В Гомельской обл. на четвертом месте находятся цыгане, а поляки переместились на шестую позицию. В Гродненской обл. доля белорусов составляет 67%, поляков – 22%, а замыкают пяттерку литовцы с долей 0,2% [2]. Подобная динамика требует пристального внимания культурологов к вопросам этнокультурной интеграции.

Образовательное поле вузов является частью интеллектуально-научного информационного пространства Беларуси. Как и все социальные институты нашей страны образование претерпевает глубокие изменения и коренное обновление на всех уровнях. Здесь уже отчетливо проступили черты информационной культуры, ориентированной на закладывание в курсах общеобразовательных программ. Ее организация и модели непосредственно связаны с формированием функциональной грамотности и профессиональных компетенций. Мы пока не в состоянии во всей полноте оценить культурологическую составляющую данного процесса, однако очевидно убывание классической гуманитарной грамотности студентов и давление на национальную культуру глобальных культурных форм.

В свете сказанного чрезвычайно актуализируется задача гармонизации процедур современной инкультурации личности с социализирующим воздействием духовно-культурного опыта общества. Поиски путей ее решения ведутся в плоскости перехода от обучения предмету к развитию и обучению посредством предмета. Конкретно культурологическое знание должно реализовать возможности культуры как формы общения индивидов в горизонте личности, формы самодетерминации и формы изобретения «мира-впервые» [3].

Конкретного повышенного внимания требует формирование нравственных приоритетов в профессиональной деятельности, гражданской позиции и уважения к культурно-историческому наследию народа, что предполагает переконструирование некоторых смылосодержательных моментов учебного процесса. Одним из направлений такой работы выступает формирование информационных ресурсов культурологического профиля в вузах страны и организация интегральных образовательных пространств, воссоздающих некоторые целостные фрагменты культурной и профессиональной реальности. Взаимосвязанный комплекс подобных единиц в состоянии образовать единую информационно-образовательную и личностно-развивающую среду, дающую возможность максимально полно применить принцип культуросообразности. Технологические и методические основания проектирования подобных пространств получают разработку в концепции компетентностного подхода [4].

Литература

1. См.: Информационное общество. Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность под ред. М.А. Вуса. – СПб., 1999. – С.173.
2. См.: Елена Кухаревич: «Подведены основные итоги переписи населения Республики Беларусь» // Навіны тыдня. – № 36. 2010. – 6–10 сентября. – С. 2–5.
3. См.: Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991. – С. 140.
4. См.: Шемет, О.В. Дидактические основы компетентностного подхода в высшем профессиональном образовании // Педагогика, – 2009. – № 10.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Л.В. ЯНКОВСКАЯ

Новополоцк, УО «ПГУ»

Идеология, будучи по своей природе субъективным знанием, постоянно сама становилась в истории науки объектом в основном тенденциозных исследований со стороны тех авторов, которые были политически ангажированы. Поэтому одни авторы, этатистски настроенные, стремились преувеличить значимость идеологии в жизни общества, а другие, наоборот, пытались утвердить мысль о том, что идеология представляет собой некий «недостойный» элемент духовной культуры общества и поэтому надо стремиться к его деидеологизации. В научной литературе до сих пор мало объективных исследований природы идеологии как феномена духовной культуры, хотя книг и статей о ней написано много, но представляющей ее также в определенном ракурсе.

Просматриваются два основных значения понятия «идеология»: во-первых, идеология – как учение об идеях как философско-методологическая теория, дающая ответ на конкретные вопросы методологии научного познания. В данном значении термин «идеология» не получил применения в научном дискурсе. Во-вторых, идеология как совокупность, набор конкретных идей относительно устройства, преобразования чего-либо. Именно в этом значении понятие «идеология» используется в литературе. В нашем случае речь будет идти о политической идеологии как некой концепции, лежащей в основе деятельности по решению социальных проблем с помощью механизма государственной власти.

Идеология как элемент духовной культуры есть определенная система знаний об обществе. Идеология – знание социальное. Но не любое социальное знание есть идеология. Какое же?

Идеология – это всегда теоретическая форма социального знания, что свидетельствует об определенном сходстве ее с наукой. Но другие особенности идеологии говорят о принципиальном отличии ее от науки. Во-первых, идеология – это совокупность знаний, дающих картину общества, объясняющих социальные процессы, происходящие в нем, с точки зрения интересов определенных социальных групп. Поэтому в идеологии всегда содержится оценка освещаемым социальным процессам с позиции этих интересов. Идеология – это оценочное, субъективное знание, о чем свидетельствуют такие его компоненты, как идеалы, ценностные ориентации. Наука же стремится быть нейтральным, объективным знанием.

Во-вторых, идеология в отличие от конкретных частных наук об обществе (социологии, политологии, этники, эстетики, экономической теории) есть комплексная система знаний об обществе, которая как бы «вплавлена» в различные виды гуманитарного знания и не содержится в целостном виде в каких-то отдельных книгах, сочинениях. В этой связи возникает трудность нахождения информации, называемую идеологией, которую необходимо распространять тем или иным субъектам политической деятельности. Попытки создать учебники, в которых была бы изложена какая-либо конкретная идеология, следует признать лишь условно решаемой задачей по «сбору в одно место» соответствующей информации.

Любое гуманитарное (социальное) знание потенциально идеологично, но в идеологию оно превращается в том случае, если становится «заинтересованным», если дает оценку тем или иным социальным феноменам с позиции потребностей определенных социальных групп, если на его основе формируются конструктивные идеи, используемые для разработки политических программ, на основе которых разрешаются проблемы данных групп.

Какова же гносеологическая значимость идеологии? Применим ли к ней критерий истины? В современной литературе почти аксиоматичным стало утверждение о неизбежности искажения идеологией социальной действительности. Обман, самообман, ложь, иллюзорность и другие формы сокрытия истины признаются единичными атрибутивными характеристиками идеологии. Безотносительно к ее конкретному виду непременно компонентом данной системы знаний объявляются политические мифы. Довольно часто идеология вне какого-либо контекста однозначно определяется как ложное, мифологизированное сознание. Убежденность в этом, видимо, и заставляет отдельных авторов рассуждать о ненужности идеологии в обществе, обуславливая ее стремление «убрать» идеологию из государственной политики, конституции страны.

Но любая ли идеология может быть определена подобным образом? Как оценивать в этой связи современные глобальные идеологии (либерализм, консерватизм, социал-демократизм), которые претендуют на то, чтобы дать ответ на вопросы общественного переустройства всему мировому сообществу? Данные идеологии достаточно точно в эпоху нового и новейшего времени спрогнозировали основные тенденции общественного развития и реализовались в программах многих политических партий, стоящих у власти в наиболее развитых странах мира. На основе идей данных идеологий были созданы прогрессивные общественные системы, позволившие обеспечить достаточно высокий уровень жизни основной части населения стран Западной Европы, Северной Америки, Японии. Масштабная практика общественного переустройства в этих странах заставляет говорить о ней как о критерии истины соответствующих идей.